

На правах рукописи

Куксгаузен Анна Александровна

АНТИЧНЫЕ КОНЦЕПЦИИ СУДЬБЫ В КУЛЬТУРЕ ИТАЛЬЯНСКОГО
ВОЗРОЖДЕНИЯ

Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры

А в т о р е ф е р а т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Саратов 2006

Работа выполнена в ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет»

- Научный руководитель - кандидат исторических наук, доцент
Кирюшкина Виктория Викторовна
- Официальные оппоненты - доктор исторических наук, профессор
Креленко Наталия Станиславовна
- доктор философских наук, профессор
Петров Николай Иванович
- Ведущая организация - Астраханский государственный
университет

Защита диссертации состоится « 9 » ноября 2006 г. в 14 часов на заседании диссертационного совета К 212.242.02 при ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет» по адресу: 410054, Саратов, ул. Политехническая, 77, Саратовский государственный технический университет, корп. 1, ауд. 319.

С диссертацией можно ознакомиться в научно-технической библиотеке ГОУ ВПО «Саратовский государственный технический университет».

Автореферат разослан « 3 » октября 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Н.М. Ососкова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ.

Актуальность темы исследования определяется исследовательским интересом к творчеству итальянских гуманистов эпохи Возрождения. Подобный неугасающий интерес к эпохе итальянского Ренессанса говорит о наличии множества нерешенных вопросов, связанных с изучением этого периода культуры. Одной из подобных проблем является тема античных идей в гуманистических представлениях о судьбе.

При рассмотрении темы судьбы высвечиваются многие важные аспекты в понимании человека. Именно благодаря представлениям о судьбе с древнейших мифологических слоев культуры можно проследить, как формируется место человека в мире, как решается проблема свободы и зависимости человека, фиксируется уровень развития индивидуального самосознания. Интерес к проблемам судьбы, фортуны довольно глубок и в современном обществе. Представленное исследование поможет провести соответствующие параллели не только между культурами античности и Возрождения, но и между Возрождением и современностью.

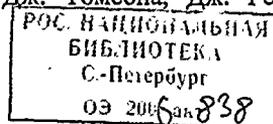
Таким образом, проблема античных концепций судьбы в культуре Возрождения представляется очень важной для более глубокого понимания мировоззрения итальянских гуманистов, этапов становления гуманистической культуры. Несмотря на большой интерес исследователей, в том числе и к проблемам судьбы в эпоху Возрождения, многие важные аспекты этой темы не раскрыты с достаточной полнотой, а некоторые сочинения гуманистов, напрямую посвященные концепциям судьбы, не были введены в научный оборот. Существующие исследования, в той или иной степени посвященные рассмотрению гуманистических представлений о судьбе, практически не затрагивают проблемы заимствований гуманистами античных концепций.

Степень научной разработанности проблемы

Насколько удалось выяснить, специальных монографических трудов по теме диссертационного исследования не существует. Однако интерес к эпохе Возрождения настолько велик, что вопросы истории культуры итальянского Возрождения, истории античной культуры и ее связи с гуманистической культурой нашли свое отражение в многочисленных публикациях отечественных и зарубежных исследователей.

Литературу по теме диссертации можно разделить на два блока: труды, посвященные античной культуре, и исследования по истории культуры итальянского гуманизма, а уже внутри каждого блока можно выделить общие работы и специальные, посвященные непосредственно проблемам судьбы.

Среди общих исследований первого блока литературы работы А.Ф. Лосева, Э.Д. Фролова, А.Н. Чанышева, Дж. Томсона, Дж. Реале, Д.

Антисери, Ф.Ф. Зелинского. Что касается трудов, посвященных непосредственно изучению концепций судьбы, возникающих в античной культуре, большое значение для нас имели труды В.П. Горана, Г.С. Кнабе, И.А. Протопоповой.

Изучению общих вопросов истории гуманистической культуры итальянского Возрождения посвящены труды Я. Буркхардта, Г. Фойтта, А.Н. Веселовского, М.С. Корелина, Г. Барона, Э. Гарэна, П.О. Кристеллера, А.К. Дживелегова, М.А. Гуковского, В.И. Рутенбурга, С.Д. Сказкина, А.Х. Горфункеля, М.Т. Петрова, Л.М. Баткина, М.Л. Абрамсона, С.М. Стама.

Блок более специальной литературы по проблематике нашего исследования включает работы К. Хейцмана, Ч. Бека, П. Нольяка, Ч. Тринкуса, Е. Уилкинса, Э. Кассирера, Г. Сайтты, Б.Л. Ульмана, Дж. Гэдол, М. Хейтцман, Е. Вайнда, Ф. Шабо, У. Спирито, А. Риклина, Л.М. Брагиной, Р.И. Хлодовского, Н.И. Девятайкиной, О.А. Дорофеева, Н.В. Ревякиной, А.В. Астаховой, А.А. Поздникова, О.Ф. Кудрявцева, М.А. Юсима, С.В. Житомирской, В.А. Постникова.

Несмотря на существование ряда исследований, как зарубежных, так и отечественных, посвященных проблемам судьбы в культуре итальянского Возрождения, античные истоки гуманистических воззрений на судьбу изучены недостаточно. Насколько удалось выяснить, нет ни одной работы, где бы тема судьбы рассматривалась как один из аспектов гуманистического мировоззрения. Также не существует специальных крупных исследований, непосредственно посвященных изучению влияния античных концепций судьбы на гуманистические представления.

Источники (эмпирическая база исследования)

Материалом для написания диссертационного исследования послужили дошедшие до наших дней сочинения античных философов, средневековых схоластов и итальянских гуманистов. На основании этого в эмпирической базе исследования можно выделить три группы: сочинения античных авторов, средневековых мыслителей и работы итальянских гуманистов эпохи Возрождения.

В диссертационном исследовании использованы сочинения наиболее часто цитируемых гуманистами античных авторов: Платона, Аристотеля, Диогена Лаэртского, Эпикура, Посидония, Сенеки, Цицерона, Тита Ливия.

Если обратиться ко второй из выделенных групп источников диссертационного исследования – работам средневековых авторов, можно назвать труды Августина Блаженного, Фомы Аквинского, Боэция.

Третья группа источников включает сочинения итальянских гуманистов: Франческо Петрарки, Колуччо Салотати, Поджо Браччолини, Леона Баттиста Альберти, Марсилио Фичино, Никколо Макиавелли, Франческо Гвичардини.

Комплексный анализ перечисленных сочинений античных философов, средневековых теологов и итальянских гуманистов позволил провести исследование по проблеме античных влияний на гуманистические концепции судьбы, выявить, какие античные авторы привлекают внимание гуманистов и влияют на их понимание судьбы, и проследить историческую трансформацию представлений о судьбе в гуманистической мысли.

Цель исследования – выяснить значение античной традиции для гуманистических концепций судьбы эпохи Возрождения.

В соответствии с поставленной целью было необходимо решить ряд задач:

- рассмотреть концепции судьбы, возникающие во второй половине XIV- начале XVI веков;
- проследить историческую трансформацию представлений о судьбе в гуманистической мысли;
- выяснить, какие античные авторы привлекают внимание гуманистов и влияют на их понимание судьбы;
- выявить специфику гуманистической трактовки античных идей о судьбе;
- проследить изменение античных приоритетов в ходе трансформации гуманистических представлений о судьбе.

Объект исследования – гуманистическая мысль итальянского Возрождения.

Предмет исследования – античные идеи в представлениях о судьбе у итальянских гуманистов второй половины XIV- начала XVI века.

Методологическая база исследования

В диссертационном исследовании используется комплексный системный подход. Решение поставленной цели и задач потребовало использования сравнительно-исторического метода, этимологического, лингвистического анализа, а также биографического метода, так как для культурологического исследования важна каждая, на первый взгляд, незначительная деталь в истории культуры, в том числе и особенности биографий деятелей эпохи Возрождения, оказавшие влияние на формирование их мировоззрения. Все эти приемы включает в себя культурологический анализ, представляющий собой совокупность всех методов, использующихся в диссертации.

Научная новизна исследования

Исследование призвано заполнить существующие лакуны в изучении проблемы античного влияния на гуманистическую мысль эпохи Возрождения, и представляет собой комплексный, обобщающий труд, посвященный античным истокам в представлениях о судьбе в культуре итальянского Возрождения, выявляющий специфику гуманистической трактовки античных идей о судьбе. Несмотря на то, что тема судьбы часто

привлекает внимание исследователей, но именно в подобной трактовке она еще никогда не звучала в отечественной науке, в этом и состоит ее новизна.

В диссертационном исследовании впервые в отечественной науке были вовлечены в научную практику отрывки некоторых латинских сочинений гуманистов: Колуччо Салютати «О роке и судьбе» (1396-1399 гг.), Поджо Браччолини «Об изменчивости судьбы» (1431-1448 гг.), Леона Баттиста Альберти «Мом» (1450-е гг.) и итальянских сочинений: Альберти «Теодженио» (1440-е гг.), Никколо Макиавелли «Капитоло о случае» и «Капитоло о Фортуне». Всесторонний анализ этих сочинений позволил значительно дополнить гуманистические взгляды на проблему судьбы, выявить характер заимствований из античной культуры и проследить изменение античных приоритетов в ходе трансформации гуманистических представлений о судьбе.

В результате исследования были сформулированы положения, выносимые на защиту:

1. Взаимодействие итальянской культуры с античной складывалось еще в период Средневековья: во-первых, благодаря тому, что культура древнего Рима была прошлым Италии, во-вторых, влияние античной греческой традиции осуществлялось в результате контактов с византийской культурой. Обращение к античным авторам, минуя их средневековое толкование, во второй половине XIV- начале XV века явилось свидетельством перехода от средневековой культуры к культуре Возрождения и утверждения светской культуры в Италии XV века.

2. Петрарка и Салютати во многом находятся в рамках средневековой культурной традиции, Бог и Божественное Провидение остаются на первом месте, но аристотелевские формулировки, модифицированные в эпоху Средневековья, уже не находят отклика у первых гуманистов. Гораздо ближе им становятся Цицерон, Сенека, Эпикур, Посидоний. В их концепциях представители раннего итальянского гуманизма начинают искать новые, полностью удовлетворяющие их мысли по поводу сущности судьбы, фортуны, ее роли в жизни человека, возможности борьбы с ней и границ человеческой свободы воли. Представители раннего итальянского гуманизма, разделяя многие средневековые идеи судьбы, осознав важность и мировоззренческую ценность понятия судьбы, фортуны, начинают расширять его, привлекая многие концепции античных авторов.

3. В отличие от ранних гуманистов, чьи концепции во многом совпадали со средневековыми учениями о судьбе, мыслители XV века полностью освобождаются от влияния теологических идей, а если и обращаются к ним на страницах своих сочинений, то только с критической точки зрения. Значительно чаще мы отмечаем несомненную близость взглядов гуманистов античным философским идеям. В первой

половине XV века в центре античных интересов гуманистов оказался Цицерон. Уже Петрарка и Салютати начинают использовать некоторые положения Цицерона, но в их концепциях судьбы цicerоновские идеи ассимилируются с христианскими учениями о свободе воли. Браччолини и Альберти уже гораздо чаще и более осознанно обращаются именно к античным философским системам. Аристотель отодвигается римскими эклектиками Сенекой и Цицероном, чьи взгляды, благодаря близким экономическим, политическим и культурным условиям римской античности, были более созвучны взглядам гуманистов.

4. Концепции судьбы, фортуны, появившиеся в конце XV- начале XVI века, ярче всего демонстрируют пессимистические настроения гуманистов, уже ощутивших начало заката ренессансной культуры. Здесь мы уже не видим слепой веры в силу разума и талантов человека, а гораздо чаще слышны советы покорно следовать судьбе, суметь воспользоваться удобным случаем, жить, повинаясь вечным законам мироздания, одним из которых является судьба. Конец века ознаменован обращением к античному платонизму, который становится доминирующим настроением конца XV- начала XVI веков, приходя на смену эпикурейскому прославлению земной активной жизни и судьбоборческим традициям позднего стоицизма. Традиции античных стойков сильны, но на первый план выходят аспекты их учений, провозглашающие полную подвластность судьбе (фатализм ранних стойков) и пантеизм.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в научной работе по изучению гуманистической культуры итальянского Возрождения. Содержащийся в диссертации материал может быть использован при разработке курсов по истории мировой культуры, истории культуры эпохи Возрождения, культурологии, при подготовке курсовых и дипломных работ.

К диссертации прилагаются переводы отрывков из сочинений итальянских гуманистов (К. Салютати, П. Браччолини, Л.Б. Альберти), посвященных проблеме судьбы, ранее не переведенных на русский язык, которые позволяют составить более полную картину мировоззрения гуманистов итальянского Возрождения и могут быть использованы для изучения культуры данной эпохи.

Апробация работы

Работа обсуждалась на кафедре культурологии Саратовского государственного технического университета. Основные результаты исследования были изложены в выступлениях на аспирантско-студенческих конференциях Саратовского государственного технического университета; на Международных конференциях: «Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия» (Санкт-Петербург, 11-12 мая 2004 г.), «Художественная литература как историко-психологический источник» (Санкт-Петербург, 14-15 декабря

2004 г.); на Всероссийской научной конференции «Ценности интеллигентного мира» (Магнитогорск, 3-4 февраля 2006 г.).

Структура работы предопределена логикой исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы, ее научная новизна, формулируются цель, задачи и методология диссертационного исследования, дается характеристика научной разработанности проблемы, выделяются основные положения, выносимые на защиту, определяется практическая значимость исследования, приводятся сведения об апробации работы.

Первая глава «*Античные концепции судьбы в трактовке гуманистов раннего итальянского Возрождения (вторая половина XIV- первое десятилетие XV)*» состоит из двух параграфов.

В первом параграфе «*Античные идеи судьбы в мировоззрении Франческо Петрарки*» рассматривается влияние античных концепций судьбы на мировоззрение первого гуманиста. Первый из подпараграфов «*Роль античных концепций судьбы в поэме Петрарки «Африка»*» посвящен исследованию античного влияния на представления о судьбе в поэме Петрарки. Мы выделяем три основные традиции представлений о судьбе, которые прослеживаются в поэме: 1) античные мотивы; 2) средневековая концепция; 3) ренессансное понимание. Первая традиция проявляется в том, что Петрарка использует античные мотивы представлений о судьбе, где рок, фатум властвует над миром и все предопределено им, часть же человеческой деятельности зависит от капризов непостоянной Фортуны. Античная концепция судьбы, где фатум и фортуна являются одной из основ мироздания, не полностью воспринята Петраркой. У него сохранился лишь внешний облик богини судьбы, а не та ее сущность, которая присутствует в античном мировоззрении. Вторая традиция связана со средневековыми идеями о том, что Бог сильнее фортуны, а это утверждение близко христианской концепции, что в мире все подвластно Богу и божественному провидению. Третья традиция – ренессансное мышление – проявилась, прежде всего, в том, что Петрарка четко осознает, что античность и средневековье – это два типа культур. Здесь поэт пытается осознать достижения различных традиций и стремится согласовать их мудрость. В этой попытке синтеза и проявляется гуманистическое мировоззрение Петрарки.

Второй подпараграф «*Античные идеи судьбы в «Книге писем о делах повседневных»*» посвящен анализу писем Петрарки, которые имеют не меньшее значение, чем трактаты, для изучения мировоззрения гуманистов. В представлениях Петрарки о судьбе встречается много античных мотивов, которые переплетаются со средневековым учением о божественном

провидении. Прежде всего, фортуна подвластна слава, «самая воздушная вещь на свете, которой она легко вертит и крутит с помощью ветренных мнений, от достойных гоня ее к недостойным»¹. Рассмотрение концепции судьбы у гуманиста часто связано с проблемой добродетели. «Одна только добродетель имеет силу»², – пишет Петрарка в письме Стефану Колонне, и хотя эта мысль вполне соответствует духу Средневековья, здесь следует учесть, что в понимании добродетели Петрарке ближе Цицероновская концепция. Истинно добродетельный человек, по Цицерону, не должен поддаваться влиянию судьбы. Следует «презирать то, что большинству людей кажется исключительным и достославным»³. Всяческие же несчастья, посланные судьбой, переносить «не отступая ни от естественного порядка вещей, ни от достоинства мудрого человека»⁴. То есть истинно добродетельному и мудрому человеку проще сопротивляться ударам судьбы. Фортуна – грозная сила, но не в ее власти отнять у человека то, что даровано другой более могущественной силой – божественной. Античное наследие в рассуждениях о судьбе Петрарки проявляется в «Письмах о делах повседневных» в самом образе Фортуны, модифицированном и помещенном в христианский контекст. Античную (цицероновскую) идею о возможности сопротивления судьбе, стойкости перед Фортуной Петрарка толкует, скорее, в теоцентрическом духе, чем в духе ренессансного антропоцентризма. То есть источник той истинной доблести и стойкости, которая только и позволяет человеку противостоять судьбе, мыслится Петраркой в христианском Боге, его воле. Таким образом, можно сказать, что античность присутствует у Петрарки скорее риторически, чем мировоззренчески.

В третьем подпараграфе «*Античные мотивы представлений о судьбе в трактате «Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру»* рассматривается проявление античного влияния в названном диалоге. Здесь Петрарка говорит о большой власти, которую имеет фортуна над человеком. Он пишет: «очень легко знать и ненавидеть собственное несчастье, а вовсе не свергнуть его, ибо первые два – в нашей власти, третье же – во власти судьбы (fortune)»⁵. Для гуманиста очень важна светская, мирская сторона жизни, и он не может отказаться от нее в пользу обещанного церковью блаженства после смерти. Для Августина же: «истинная свобода – это служение Христу (libertas vera est Christo

¹ Петрарка Ф. Книга писем о делах повседневных. I, 2 // Петрарка Ф. Канцоньере. Моя тайна, или Книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма. – М., 2002. С. 418.

² Там же. XV, 7. С. 529.

³ Цицерон М. Т. Об обязанностях // Цицерон М. Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. – М., 1999. С. 319.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ Петрарка Ф. Моя тайна // Петрарка Ф. Канцоньере. Моя тайна, или книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма. М., 2002. С. 274.

servire)»⁶. Петрарку уже не устраивает та пассивная жизненная позиция, которую предлагает занять Августин для достижения счастья. Гораздо ближе ему становится позиция Цицерона, заключающаяся в том, что хотя «царская власть, империи, знатность, магистратуры, богатства, как и все им противоположное», зависят от судьбы, «но роль, которую мы хотим играть, зависит от нашей воли»⁷. Петрарка провозглашает целью жизни цicerоновскую формулировку: «Не терпеть нужды и не иметь излишка, не повелевать другими и не быть в подчинении – вот моя цель (*Nec egege, nec abundare; nec preesse nec subesse aliis, finis est meus*)»⁸. Так, «Моя тайна» раскрывает внутренний мир гуманиста, ярко демонстрирует мучительные противоречия его времени, когда старая идеология уже не удовлетворяла запросам времени, а новая еще не была сформулирована. Эти противоречия ярко высвечиваются в размышлениях о судьбе и доблести.

Четвертый подпараграф «*Античные концепции судьбы в трактате «О средствах против превратностей судьбы»*» посвящен исследованию крупнейшего философского сочинения Петрарки, в котором содержатся более зрелые размышления гуманиста о проблеме судьбы. Судьба выступает здесь как важная мировоззренческая категория, судьба всемогуща, она правит миром и властвует над обстоятельствами, но она изменчива и непостоянна. Человек всю свою жизнь ведет войну с судьбой, где победителем может стать только доблесть. Подобные представления о судьбе близки к сложившимся в поздней античности, когда вера в идеально устроенное бытие уступила место такому мировоззрению, при котором переменчивости и роли случая уделялось очень большое внимание. Петрарке очень близко по духу отношение к судьбе Цицерона, что и закономерно, ведь в сочинениях Цицерона «античное эстетическое миросозерцание предстает в особом историческом состоянии – кризисном, остром и деформированном, обусловленном катаклизмами одной из самых драматичных, переломных эпох в истории древнего мира»⁹. Умонастроения поздней античности во многом были близки философским исканиям эпохи раннего итальянского Возрождения. Ведь и в том, и в другом случае речь идет о кризисном состоянии общества. Не случайно в творчестве Петрарки проявляется влияние на него идей Цицерона, Сенеки, Посидония. Довольно часто Петрарка говорит, что судьба двулика. Она может быть добра к человеку и враждебна к нему. «Мы ведем с судьбой (*fortuna*) сразу две войны: одну против враждебной фортуны, другую – за счастливую; шансы

⁶ Цит. по: Жильсон Э. *Философия в средние века. От истоков патристики до конца XIV века*// www.agnuz.info/book/

⁷ Цицерон М. Т. *Указ*, соч. С. 335.

⁸ Петрарка Ф. *Моя тайна*// Петрарка Ф. *Канцоньере. Моя тайна, или книга бесед о презрении к миру. Книга писем о делах повседневных. Старческие письма*. М., 2002. С. 316.

⁹ Кнабе Г. С. Цицерон, античная классика и рождение классицизма// Цицерон. *Эстетика: Трактаты. Речи. Письма*. – М., 1994. С. 7.

и на победу, и на поражение равны».¹⁰ Судьба опасна в любых своих проявлениях – и благоприятная, и злая, и человек должен найти в себе силы, чтобы выстоять перед ней. Даже христианский теолог Фома Аквинский отводил весьма значительное место в жизни людей внешним благам: богатству, власти, почестям, т.е. дарам фортуны (*exteriora bona fortunae*)¹¹. Вопрос о соотношении природы и фортуны также стал одним из основных в трактате «О средствах...». Человек в эпоху раннего Возрождения уже начинает осознавать наличие в мире определенных разумных законов, которым подвластно все. Но сам образ мира предстает в некоем раздвоенном виде: с одной стороны, миром правит природа, где царят непреложные законы, с другой – фортуна, где правит случай. Природа и фортуна в некотором роде противопоставляются друг другу. Так у Петрарки природа – это нечто доброе, мудрое, а фортуна – враг человека. Но мир природы неотделим от мира судьбы – это один и тот же мир, поэтому часто и у Петрарки они совпадают, действуют сообща: природа или судьба, природа и судьба. Но, несмотря на это, характер этих двух категорий различен, и свести их вместе все-таки не удастся. Природа для Петрарки первична, и в этом он полностью принимает античную традицию. Судьба постоянно борется с природой, но у природы есть огромное преимущество – она бессмертна, а судьба – смертна. Таким образом, судьба у Петрарки имеет много черт, присущих как средневековому, так и античному мировоззрению.

Второй параграф «*Античные истоки представлений о судьбе в этике Колуччо Салютати*» посвящен исследованию творчества гуманиста Колуччо Салютати. В первом подпараграфе «*Античные и средневековые идеи в представлениях о судьбе и свободе воли Колуччо Салютати*» рассматривается значение античных и средневековых идей для мировоззрения Салютати. Главной задачей его произведения «О роке и судьбе», направленного против суетной мудрости астрологов, было гуманистическое обоснование свободы воли человека. Салютати вполне разделяет мнение Августина, что «всем управляет Провидение (Промысел)»¹². Волю человеку дарует Бог – с этим постулатом христианской церкви Салютати не спорит. Он настаивает на том, что это не мешает свободе действий, к примеру, в борьбе с дьяволом. Гуманист полностью не отрицает средневековых представлений о свободе воли, ибо они тоже не однозначны. Бог есть начало всего в мире, и все предопределено им – вполне средневековая точка зрения, но здесь, наряду с Богом, фигурирует и природа, и ее законы. На взгляд автора, в этом

¹⁰ Петрарка Ф. О средствах против превратностей судьбы. Предисловие// Петрарка Ф. Сочинения философские и полемические. – М., 1998. С. 131.

¹¹ Аквинский Фома. Сумма богословия. Цит. по: Кудрявцев О.Ф., Уколова В.И. Представления о фортуна в средние века и в эпоху Возрождения// Взаимосвязь социальных отношений и идеологии в средневековой Европе. – М., 1983. С. 183.

¹² Августин Блаженный. О свободе воли. Кн. 2, XVII, 45// <http://filosof.historic.ru/books/>

заключается определение фатума, рока – это не только божественное провидение, но и сила природных причин (включая воздействие небесных светил). У Салютати появляется мотив соотношения свободы воли с понятием фортуны. И если рок, фатум воспринимался как нечто абсолютное и божественное, то фортуна отражает понятие социальной необходимости. С точки зрения автора, позиция Салютати в понимании роли разума очень схожа с представлениями Эпикура. Его решение этой проблемы состояло в признании самостоятельной реальности человеческой личности и ее воли: «Случай (судьба) мало имеет отношения к мудрому: все самое большое и главное устроил для него разум, как устраивает и будет устраивать во все время его жизни»¹³. Таким образом, в понимании Салютати свободы воли прослеживается много средневековых и античных черт. Свободу воли дает Бог, но распоряжается ею сам человек. Гуманист не отрицает наличие божественного предопределения, но говорит о том, что сама судьба предоставляет проявлениям человеческой воли определенную сферу, где индивид может быть свободен.

Во втором подпараграфе *«Античные мотивы воззрений Колюччо Салютати на благородство и фортуна»* ставится проблема соотношения концепции судьбы с представлениями о благородстве в творчестве Салютати. Проблема благородства, добродетели занимает одно из главных мест в этической концепции Салютати. Идеалом для него является максимально активная жизнь для достижения блага общества. Гуманист утверждает, что понятие «благородство» подразумевает не знатность и родовитость, а нечто иное. Здесь он согласен с Сенекой в том, что благородным человеком является тот, кто имеет природную склонность к добродетелям.¹⁴ Фортуна может определить место, которое человек занимает в обществе, но истинное благородство от нее не зависит. Салютати пишет: «благородство и Фортуна не являются предметами, одинаковыми по сущности, и того человека, который называется плебеом, делает таковым не природа, а фортуна».¹⁵ Человек по природе своей рождается, имея некое естественное благородство, которое не делит людей на классы. Место в мире предопределяет судьба, и здесь природа бессильна. Салютати в чем-то близка позиция стойка Сенеки. По его мнению, благородство души равнодоступно для всех, перед ним все равны. «Благородными делает нас душа, которая из любого состояния может подняться над фортуной»¹⁶. Здесь Салютати согласен с Сенекой, что ни у кого из живущих людей «невозможно совершенно отрицать благородство, которое является природным предрасположением к добру и добродетели, и

¹³ Эпикур. Главные мысли, XVIII Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М., 1979. С. 439.

¹⁴ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию, 44. – М., 2004. С. 102.

¹⁵ Салютати К. Письмо от 11 ноября 1403 г. к Бандини д'Арецо // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л.М. Брагиной. – М., 1985. С. 40.

¹⁶ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию, 44. – М., 2004. С. 102.

точно таким же образом нельзя отрицать их добродетели»¹⁷, то есть благородство и добродетель не зависят от капризной судьбы или случая.

В заключении первой главы сделаны выводы, что по сравнению с предыдущей эпохой Средневековья Ренессанс был новым важным периодом в истории культуры, но не стоит вслед за некоторыми исследователями принижать значение философской мысли средних веков для рождения культуры Возрождения. В концепциях судьбы ранних гуманистов еще очень сильны средневековые черты, но аристотелевские формулировки, модифицированные в эпоху Средневековья, уже не находят отклика у первых гуманистов. Гораздо ближе им становятся Цицерон, Сенека, Эпикур, Посидоний.

Вторая глава «*Античные представления о судьбе в итальянском гуманизме первой половины XV века*» состоит из двух параграфов и посвящена раннему творчеству гуманистов Поджо Браччолини и Леона Баттиста Альберти.

В первом параграфе «*Античные идеи судьбы в этике Поджо Браччолини*» рассматриваются концепции судьбы, возникающие в ранний период творчества гуманиста. Первый подпараграф «*Роль античных влияний на представления о благородстве и фортуне Поджо Браччолини в диалоге «О благородстве»*» отмечается связь понятий благородства и фортуны и их античные мотивы. В этом произведении отражены споры об истинном благородстве, существовавшие в кругах гуманистов на протяжении всего XV века, что характеризует многочисленные изменения, происходящие в обществе. В вопросе о благородстве Поджо Браччолини придерживается позиции античных стоиков, которые призывали для достижения благородства следовать не за непостоянной и изменчивой судьбой, а за добродетелью. Те же идеи встречались еще у ранних гуманистов, но именно у Поджо они оформились как окончательная твердая позиция. Здесь уже нет столь сильного влияния средневековых идей, как у Петрарки и Салютати, античные же, напротив, оказывают все большее влияние на мировоззрение Браччолини. Фортуна — очень могущественная сила, и ее влиянию подвластны многие стороны человеческой жизни, но на истинное благородство фортуна не имеет никакого влияния. Благородство зависит только от добродетели, которой обладает каждый человек от рождения. Таким образом, при помощи благородства можно возвыситься над судьбой.

Второй подпараграф «*Античные идеи в трактате Поджо Браччолини «Об изменчивости судьбы»*» посвящен исследованию античных идей в крупнейшем сочинении Поджо. Главной темой этого трактата стало обсуждение того, что жизнь человека зависит не только от его рождения или от капризов фортуны, но его смелость, доблесть и таланты могут

¹⁷ Салютати К. Указ. соч. С. 41.

играть определяющую роль, причем в трактате Поджо нашли свое отражение как оптимистические взгляды на этот предмет, так и пессимистические, как античные представления о судьбе, так и современные ему гуманистические идеи. Браччолини не удовлетворяют определения судьбы Аристотеля и Фомы Аквинского. Он считает категорию судьбы гораздо более широкой, нежели у этих авторов. Для Поджо в вопросе о судьбе наиболее важным представляется выяснить, «до каких пределов полагают власть судьбы (*fortuna*) над делами, каким высшим судом наделяют ее в отношении людей»¹⁸. Для гуманиста личные качества, способности и стремления не менее важны, чем благосклонность судьбы. Для Поджо судьба есть высшая сила, которая во многом действует наряду с разумом и волей человека. При этом добродетель и способности играют не последнюю роль в его жизни. Таким образом, в концепции судьбы Поджо Браччолини большое значение имели античные традиции, но при этом он принимает далеко не все античные идеи. Например, античная концепция «трагического гуманизма»¹⁹ разделяется Поджо лишь в одном ее аспекте – где настойчиво рекомендуется действовать, проявлять активность, несмотря на власть фортуны. Кроме того, приоритет отдается позднеантичной (стоической, эклектической) традиции (Сенека, Цицерон, Тит Ливий, Саллустий), где во многом дезактуализируется значение происхождения человека (принципа родового благородства) в его жизни и судьбе. То есть именно умонастроения поздней античности благодаря близким экономическим, политическим и культурным условиям были более созвучны взглядам самого Поджо.

Во втором параграфе *«Античные мотивы представлений о судьбе в ранних трактатах Леона Баттиста Альберти»* констатируется значение античного влияния на представления о судьбе Леона Баттиста Альберти. Первый подпараграф *«Античные концепции судьбы в трактате Леона Баттиста Альберти «О семье»* посвящен крупнейшему морально-этическому сочинению гуманиста «О семье». В представлениях Альберти о судьбе прослеживается большое количество античных идей. Авторы, к которым наиболее часто обращается Леон Баттиста, – Аристотель, Платон, Цицерон, Плутарх, Ксенофонт, Сенека, а также стоики и эпикурейцы. Альберти, признавая безусловный авторитет античных авторов, берет у них лишь то, что близко ему, дополняя и расширяя существующие концепции в соответствии со своим мироощущением и требованиями современного ему общества. Например, стоическая идея судьбы как необходимости не находит отклика у Альберти, так же как и учение об атараксии (безмятежном существовании, которое достигается добродетелью). Альберти четко разграничивает сферы влияния фортуны на человека. Прежде всего судьба влияет на внешние вещи: деньги,

¹⁸ Bracciolini P. De varietate fortunae. Lib. II/ Bracciolini P. Opera omnia. V. 2. – Torino, 1966. P. 529.

¹⁹ Фролов Э.Д. Факел Прометея. – Л., 1991.

почести, положение в обществе, профессии. Но добродетель, образованность, знания и навыки ей не доступны. Если даже в какой-то профессии человеку не сопутствует успех, который зависит от благосклонности фортуны, то знания и умения она отнять не в силах. На взгляд автора, ему довольно близко учение Эпикура, утверждавшего, что рок, судьба – это всего лишь наши призрачные страхи. Но и более поздние идеи стоиков о «провидении» и о свободе воли в рамках необходимости близки Альберти. Провидение здесь не только закон природы, но и воля в человеке. Судьба всемогуща, но не владеет никаким неодолимым оружием против человека. Наоборот, мудрец, владеющий знаниями и добродетелью, может бороться с судьбой.

Во втором подпараграфе *«Античные идеи судьбы в трактатах Леона Баттиста Альберти «О спокойствии души» и «Теодженио»* рассматривается развитие идей гуманиста, посвященных проблемам судьбы. В сочинении «О спокойствии души» Альберти продолжает мысль о том, что при помощи воли, разума и добродетели человек способен одержать верх над судьбой. Душа человека, его мысли и чувства неподвластны фортуне, они принадлежат только человеку и никакие внешние силы не могут повлиять на них. Такая позиция Альберти близка идеям стоиков, но, конечно же, он гораздо больше внимания уделяет рассуждениям о воле и считает, что лишь благодаря воле и разуму человек может противостоять судьбе. Римский стоик Сенека не раз говорил о том, что человеку следует соразмерять свои силы и волю с возможностями.²⁰ Альберти же призывает человека не бояться неудач, а прилагать больше усилий для достижения своих целей. По мнению диссертанта, несмотря на некоторую (впрочем, бесспорную) близость идей Альберти с концепциями античных философов, его позиция гораздо шире и дает человеку больше власти над собственной жизнью. Мудрость, разум и знания играют очень важную роль в противоборстве человека и фортуны. Но не меньшее значение имеет и другая важная нравственная категория – добродетель. Среди наиболее важных добродетелей Альберти называет: благоразумие (*prudenzia*), умеренность (*temperanzia*), справедливость (*giustizia*) и стойкость (*fortitudine*). Действия фортуны, по мнению гуманиста, человек способен «умерять благоразумием»²¹. В трактате «Теодженио» Альберти продолжает развивать свои идеи о том, что фортуна властна над внешними проявлениями в жизни человека: состояние, наследство, дары, успех в делах. Он призывает быть разумнее и воспринимать всякую потерю внешних благ как возвращение фортуне того, что ей принадлежит. Для успешного противостояния фортуне человеку следует научиться не бояться ее козней и не переоценивать ценность ее даров. Напротив, чем

²⁰ Сенека Л.А. Нравственные письма к Луцилию, 22, 61, 107. – М., 2004.

²¹ Альберти Л.Б. О спокойствии души. Цит. по: Брагина Л.М. Человек и фортуна в этической концепции Леона Баттиста Альберти// Европа в средние века. – М., 1972. С. 335.

больше человек будет верить в себя, в свои силы, умения, данные природой, тем больше вероятность успеха в его борьбе с судьбой. Фортуна способна одержать верх лишь над теми, кто ей покорится. Несомненная близость учения Альберти античным философским школам не умаляет значения его собственных идей, которые во многом гораздо шире, чем античные. Итог рассуждений о судьбе в ранних работах Леона Баттиста Альберти, на взгляд автора, таков, что человек имеет силы при помощи разума, воли и добродетели бороться с судьбой и одерживать над ней победу.

В заключении второй главы делается вывод о том, что проблемы судьбы и свободы воли выходят на одни из первых позиций. Гуманисты широко используют достижения античной философской мысли для обоснования своих собственных идей. Особой популярностью пользуются римские авторы Сенека и Цицерон, судьба во многом мыслится в стоическом духе, как высшая сила, но гуманисты оставляют человеку неизмеримо больше свободы в проявлении своей воли, чем античные мудрецы и более ранние гуманисты. Если ранние гуманисты все еще находятся под сильным влиянием христианских концепций судьбы и в своих сочинениях довольно часто обращаются к средневековым авторам, то гуманисты первой половины XV века, если и упоминают их, то больше критикуют их идеи, нежели соглашаются с ними. Главными орудиями в борьбе с фортуной для человека являются его собственные доблесть, благородство, разум и знания.

Третья глава «Античные мотивы представлений о судьбе в модифицированном Возрождении конца XV- начала XVI веков» посвящена гуманистическим концепциям судьбы в модифицированном Возрождении. Первый параграф *«Античные мотивы представлений о судьбе в трактате Поджо Браччолини «О ничтожестве человеческого состояния»* посвящен исследованию позднего творчества гуманиста. В этой работе очень сильны пессимистичные настроения. Человек, который у других гуманистов выступает как царь мира, у Поджо показан как слабое существо, подвластное различным порокам, которое не в состоянии противостоять коварной фортуне. Здесь явно чувствуется влияние на Поджо стоических идей полной подвластности судьбе, когда человек противопоставляет ей лишь добродетель и нравственное совершенство. В этом трактате Поджо придерживается довольно пессимистического мнения о возможностях человека и его способности противостоять судьбе. Здесь автор акцентирует свое внимание не на безграничных потенциях личности, как большинство гуманистов эпохи Возрождения, а наоборот, на негативной стороне человеческого существования. Не отрицая в принципе возможности борьбы с различными неприятностями жизни, Поджо считает лишь немногих из людей способными на подобное противостояние.

Во втором параграфе «*Античные представления о фортуне в поздних трактатах Леона Баттиста Альберти*» рассматривается судьба в позднем творчестве Альберти. В поздних трактатах Альберти отходит от оптимизма ранних сочинений. Добродетель всячески поносится и унижается, власть Фортуны же, напротив, растет. К концу жизни в творчестве Альберти все больше преобладает пессимизм, характеризующий начало крушения гуманистического мифа о величии разума и добродетели человека. Фортуна выступает в мире как один из природных законов. Такое восприятие природы близко настроениям античного пантеизма. Воля человека следует природным законам бытия. Поэтому свобода воли не противостоит природе, устройству мира, а помогает обрести гармонию с миром.

Третий параграф «*Античные идеи судьбы в неоплатонизме Марсилио Фичино*» посвящен творчеству гуманиста Марсилио Фичино. На раннем этапе своей гуманистической деятельности Марсилио Фичино был увлечен изучением различных философских течений античности, и его привлекала эпикурейская традиция. В частности, эпикуровская концепция судьбы и свободы человека, где мудрость заключается в том, чтобы избегать действий судьбы, была очень близка гуманисту в ранний период его творчества. Позднее Фичино отходит от традиций античного эпикуреизма и обращается к неоплатонизму. Для успешного противостояния фортуне человек, прежде всего, должен знать порядок мироустройства, законы бытия, понимать и принимать божественные знаки, а «не воспринимать фортуна лишь как капризную субстанцию»²². Таким образом, как необходимость, проявляющаяся как фортуна, так и человеческое благоразумие всегда имеют причину в Боге. То есть благоразумие является средством реализации свободы воли. Человек же, руководствующийся в своей жизни мировыми законами, проявляющий благоразумие в противостоянии с фортуной, может, по мнению Фичино, называться мудрецом. Фичино значительно расширяет проблематику темы фортуны, уделяя гораздо больше внимания философскому определению понятия судьбы.

В четвертом параграфе «*Античные концепции судьбы в творчестве Никколо Макиавелли*» исследуется понятие судьбы у Макиавелли. В творчестве Никколо Макиавелли сильны традиции античных стоиков: Посидония, Сенеки, и несмотря на огромную власть фортуны над миром, гуманист оставляет человеку часть свободы для борьбы с фортуной, но для этого нужно быть мудрым человеком, не упустить свой шанс, подвернувшийся случай, обладать доблестью и гибким умом. У Макиавелли судьба иногда действует как мировой закон, фатум, божественное Провидение, иногда как природная сила,

²² Wind E. Platonic tyranny and the renaissance Fortuna// *Essays in honor Erwin Panofsky*. – NY., 1961. P. 491.

благоприятная или неблагоприятная людям, неподвластная воздействию человеческой воли, а иногда судьба покоряется людям, но для этого человек должен обладать доблестью. Доблесть у Макиавелли – это не античная и не христианская добродетель, а активная способность человека преодолевать любые законы (в том числе и законы фортуны) для достижения своих целей. Для эффективного противоборства с судьбой личность должна обладать огромной внутренней энергией, так как только большая, чем у фортуны, энергия может побороть ее. Но люди не используют возможности, предоставленные им самой природой, поэтому судьба и одерживает над ними верх.

Пятый параграф *«Античные мотивы представлений о судьбе в этической концепции Франческо Гвиччардини»* посвящен творчеству гуманиста Франческо Гвиччардини. В своей концепции судьбы он во многом согласен с предшественниками, но не склонен возвеличивать и обожествлять человека, как это было характерно для гуманизма первой половины XV века. Кроме того, Гвиччардини никогда не говорит о преодолении судьбы, о борьбе с ней, а лишь о смягчении ее действия. Ему во многом близки идеи римских стоиков Сенеки и Посидония, которые вновь обрели утерянную было актуальность в связи с обращением многих гуманистов второй половины XV века к платонизму. Среди главных человеческих качеств, способствующих не преодолению, но смягчению ударов судьбы, Гвиччардини называет: благоразумие, силу и благоприятную фортуна. В его концепции вера в мощь человеческого разума и добродетели сплетается с более реалистичным восприятием природы человека, в которой с равным успехом уживаются добро и зло. Франческо не призывает к борьбе с фортуной, а предлагает жить в мире с ней, пользоваться благоприятным влиянием судьбы. Важно правильно распорядиться тем, что дает человеку природа и что позволяет фортуна.

В заключении третьей главы констатируется ряд изменений по сравнению с предшествующим периодом. В гуманизме конца XV века уже нет той слепой, безоглядной веры в силу человеческого разума, которой полны сочинения гуманистов начала и середины века. В позднем творчестве Поджо Браччолини и Леона Баттиста Альберти уже просматривается начало крушения гуманистического мифа о величии разума и добродетели человека. Обращение к творчеству Платона и неоплатоников, возможно, было вызвано все тем же осознанием надвигающегося кризиса культуры и стремлением найти ответы на возникающие вопросы в иной культурной традиции. Человек достигает свободы от влияния судьбы, только познав законы мироздания. А это доступно только для того, кто обладает мудростью, разумом и благоразумием. Таким образом, конец XV- начало XVI веков стали сложным периодом для Италии. Несмотря на небывалый взлет науки и искусства, уже в эпоху Высокого Возрождения проявляется предчувствие

кризиса и упадка культуры, который произойдет к концу XVI века. Концепции судьбы, фортуны появившиеся в это время, ярче всего демонстрируют пессимистические настроения гуманистов, уже ощутивших начало заката ренессансной культуры.

В заключении формулируются итоги исследования, подчеркивается роль и значение античного наследия в формировании гуманистических концепций судьбы.

По теме диссертации опубликованы следующие работы общим объемом 2,7 п.л.:

1. Куксгаузен А.А. Античные концепции судьбы в мировоззрении Франческо Петрарки / А.А. Куксгаузен // Перспективы культурно-цивилизационной эволюции общества: межвуз. науч. сб. / СГТУ. – Саратов: Аквариус, 2003. – С. 39-43. (0,2 п.л.)
2. Куксгаузен А.А. Античные мотивы воззрений Колоччо Салютати на благородство и фортуна / А.А. Куксгаузен // Социальные и духовные основания общественного развития: межвуз. науч. сб. / СГТУ. – Саратов: Научная книга, 2004. – С. 148-151. (0,2 п.л.)
3. Куксгаузен А.А. Концепция судьбы Поджо Браччолини (по трактату-диалогу «О ничтожестве человеческого состояния») / А.А. Куксгаузен // Историческая психология, психоистория, социальная психология: общее и различия: материалы XV Международной научной конференции / под ред. д.и.н., проф. С.Н. Полторака; СПб. гос. ун-т. – СПб.: Нестор, 2004. – С. 223-227. (0,3 п.л.)
4. Куксгаузен А.А. Судьба в поэме Петрарки «Африка» / А.А. Куксгаузен // Художественная литература как историко-психологический источник: материалы XVI Международной научной конференции / под ред. д.и.н., проф. С.Н. Полторака; СПб. гос. ун-т. – СПб.: Нестор, 2004. – 156-160. (0,2 п.л.)
5. Куксгаузен А.А. Античные мотивы представлений о судьбе в ранних трактатах Леона Баттиста Альберти / А.А. Куксгаузен // Социальные идеалы в стратегиях общественного развития: межвуз. науч. сб. Ч. 1 / СГТУ. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 279-284. (0,3 п.л.)
6. Куксгаузен А.А. Благородство и фортуна в системе ценностей эпохи Возрождения (на материале трактата Поджо Браччолини «О благородстве») / А.А. Куксгаузен // Ценности интеллигентного мира: сб. ст. Всероссийской научной конференции: в 2 т. / под ред. А.М. Арзамасцева; МГТУ им. Г.И. Носова. – Магнитогорск: МГТУ, 2006. – Вып. 3. – Т. 2. – С. 94-101. (0,4 п.л.)
7. Куксгаузен А.А. Античные и средневековые идеи в представлениях о судьбе и свободе воли Колоччо Салютати / А.А. Куксгаузен // Перспективы самоорганизации общества в стратегиях глобального развития: сборник научных статей. Ч. 2 / СГТУ. – Саратов: Научная книга, 2006. – С. 86-91. (0,4 п.л.)

2006A
20933

Р20933

8. Куксгаузен А.А. Агличные мотивы в трактате «Об изменчивости судьбы» Поджо Браччолини / А.А. Куксгаузен // Вестник Саратовского государственного технического университета. – 2006. – № 2 (13). – Вып. 2. – С. 171-176. (0,7 п.л.)

Лицензия ИД № 06268 от 14.11.01

Подписано в печать 28.09.06

Формат 60×84 1/16

Бум. тип.

Усл. печ.л. 1,0

Уч.-изд.л. 1,0

Тираж 100 экз.

Заказ 394

Бесплатно

Саратовский государственный технический университет

410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77

Отпечатано в РИЦ СГТУ. 410054 г. Саратов, ул. Политехническая, 77